

«евразиец» и т. п. выражают противоречивое единство процессов интеграции и дифференциации в этнической области на современном этапе: общечеловеческое «мы» еще слабо, но и узконациональное «мы» уже не всеильно.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

А. Н. Николаев, Н. В. Пшеничников

*Саратовский государственный социально-экономический
университет*

Переход российского общества к принципиально новой политической системе в начале 1990-х гг. вызвал и появление новых политических институтов, одним из которых являются политические партии. Они представляют собой один из базовых элементов структуры современного общества, без которого не мыслится существование современной демократии. Деятельность партий и движений в известном смысле может служить своеобразным индикатором, позволяющим определить истинный характер, социальную природу и идеологическую основу политического развития. Партии в развитом демократическом обществе выполняют целый ряд функций. Далеко не все из них в полной мере освоены российскими партиями. Рассмотрим, как проявляются в российской действительности такие функции, как политическое рекрутирование, конституирующая, инновационная, аккумулятивная, интегративная функции.

Политическое рекрутирование можно считать одной из центральных функций российских партий. Но так как российская многопартийность находится в процессе становления, то для сложившейся политической практики зачастую характерно отсутствие устойчивой связи между лидером и его партией. Поэтому политический имидж подавляющего большинства российских партий определяется политическим авторитетом их лидеров, а не наоборот. Еще одна немаловажная деталь: наличие личного рейтинга известности у ведущих политиков новых партий и организаций является необходимым условием прохождения их списков на выборах. За прошедшее постсоветское десятилетие в российской политической элите утвердился ряд потенциальных лидеров, получивших навыки по-

литической практики в партийных организациях. С возникновением поколения партийных функционеров, политическое будущее которых во многом определяется их партийной принадлежностью, появляются условия для создания эффективного механизма обратной связи. Кроме того, в современной России на партии возложена негласная роль «центров кристаллизации» различных политических группировок. С. Заславский и Ю. Коргунок отмечали: «Жизненные интересы той или иной части политической элиты объективируются в деятельности политических партий и движений, “озвучивающих” эти интересы»¹. Соответственно политическая элита постепенно утрачивает свой внепартийный характер и включается – прямо или косвенно – в процесс межпартийного взаимодействия.

Необходимо отметить, что такое политическое рекрутирование отличается от известных западных образцов. Принадлежность к партии в России не обеспечивает выдвижения во власть ни на федеральном (исполнительная власть), ни на региональном и местном уровнях (исполнительная и законодательная власти). Левым партиям, которые провели во власть своего губернатора, удавалось провести и своих однопартийцев на властные посты. При этом практически никогда областные правительства не формировались по чисто партийному принципу, зато конфликты левого губернатора с местной партийной организацией стали распространенным явлением. Политическое рекрутирование по-российски главным образом относится к формированию и профессиональному росту парламентской (Государственная дума) элиты. Это важно, так как законодатели представляют собой самостоятельную часть «политического класса». Кроме того, ряд известных парламентариев именно через думско-партийную лестницу продвигались на высокие посты в исполнительной власти или «пережидали» в Думе недолгий «закат» своей карьеры. Правда, зачастую уход депутата в исполнительную власть происходил без согласования с партией или даже вопреки ее воле. В целом, однако, для подъема по карьерной лестнице фактор партии является не самым важным. Доминирующая на протяжении десятилетия тенденция рекрутирования политической элиты из государственного чиновничества и в значительно меньшей степени из крупного бизнеса неблагоприятна для политических партий.

Следует признать, что конституирующую функцию российские политические партии выполняют неудовлетворительно. Объясняется это как переходным характером процесса формирования новой социальной структуры российского общества, так и рядом других причин. Так, представления многих российских политических партий о том, интересы какого социального слоя они выражают, часто трудно назвать как-то иначе, нежели мифологическими. Например, различного рода коммунистические партии традиционно выступают в роли выразителей интересов рабочего

класса, но при этом основная часть их членского состава формируется не из рабочих, а из средних и низших категорий служащих госаппарата и пенсионеров. Значительная часть российских партий претендует на выражение интересов всего общества в целом, выражая на самом деле интересы только своих членов. Многие объединения называют себя выразителями интересов т. н. «среднего класса», затрудняясь, однако, ответить, какие именно категории населения к нему относятся, или прямо признавая, что «средний класс» как таковой в современной России еще не сложился. Нередко та или иная партия заявляет, что выступает от имени конкретной социальной группы, однако при этом сама группа не спешит делегировать данной партии такое право. Если даже партии удастся заручиться поддержкой представителей определенного социального слоя, то, как правило, речь идет о поддержке со стороны лишь узкой группы внутри данного слоя. Так, Аграрная партия России претендует на выражение интересов всего крестьянства (т. е. людей, занятых сельскохозяйственным трудом), но реально выражает интересы только своего управленческого звена.

Приходится констатировать, что отечественные политические партии в большинстве своем не готовы к выполнению инновационной функции в полном объеме. Объясняется это прежде всего умозрительностью, идеологической расплывчатостью партийных программ, доктринальным характером их происхождения и недостаточной соотнесенностью со злободневными вопросами политической действительности. Если на начальном этапе формирования многопартийности сам факт возникновения некоммунистических партий, оппозиционных тогдашнему политическому курсу, воспринимался как весомая альтернатива, своеобразный вызов тоталитарному режиму, то с переходом российского общества в качественно новую фазу одних лишь политических деклараций оказалось явно недостаточно². Вместе с тем необходимо учитывать, что в настоящее время на фоне общего кризиса многопартийности западной модели в нашей стране происходит перегруппировка политических сил по традиционным для России социальным, геополитическим и мировоззренческим основаниям. В этой связи во внутрипартийной организационной структуре уже стало традицией выделение экспертно-аналитических подразделений.

В отношении аккумулятивной функции необходимо отметить, что концепция представительства политическими партиями социальных слоев приложима более к партийным системам развитых индустриальных стран. Что касается российских политических партий, то здесь имеется два обстоятельства, ставящих под сомнение правомерность ее применения. Во-первых, реальное социальное представительство может иметь место только в обществе с уже сложившейся социальной структурой, включающей крупные и стабильные группы населения с относительно

устойчивыми социальными интересами. В России же экономические реформы привели к глубоким изменениям в социальной сфере. В постперестроечном обществе развивается процесс имущественного расслоения, выражающийся главным образом в размытии прообраза отечественного среднего класса и появлении узких групп со сверхвысокими доходами – т. н. «новых русских». В связи с этим частный социальный интерес большей части населения находится только в стадии формирования, к тому же он по-настоящему еще не осознан. Большинство российских политических партий возникло в условиях еще дореформенного социально однородного общества, и это обусловило академический, «интеллигентский», а по существу – внесоциальный характер российской многопартийности³. Поначалу члены партии не могли быть чем-то большим, чем сторонниками «идеи», сплотившимися вокруг идеологических символов-лозунгов, харизматических лидеров. Конечно, в изменившихся социальных условиях партии пытаются наполнить свои политические программы реальным социальным содержанием. Однако эти попытки прямо противоположны социальному представительству: новые партии стремятся не столько отразить выкристаллизовавшиеся интересы социальных слоев, сколько найти «группы поддержки» своим программам⁴. Это, в свою очередь, приводит к активному размножению в российской политической системе квазипартийных образований, лишенных какой-либо социальной базы, но обладающих порой немалым влиянием во властных структурах.

В современных российских условиях значительный шаг вперед представляет собой создание организаций лоббистского толка, выражающих на первых порах в довольно примитивной форме интересы узких, преимущественно элитных группировок (промышленников, аграриев, частных предпринимателей). Откровенно корпоративный характер этих образований не должен заслонять того обстоятельства, что с их возникновением межпартийная борьба из сферы чистой политики переносится в плоскость социально-экономических отношений. Несомненно, что дальнейшая дифференциация общества будет стимулировать самоорганизацию корпоративных объединений. Многопартийности в России еще только предстоит пройти через поэтапную трансформацию корпоративных, клановых структур в полноценные партии, обладающие собственной социальной базой. Осуществляться же эта трансформация станет через взаимопроникновение партийной политики и интересов формирующихся социальных общностей. Партии, оказавшиеся неспособными к социально-психологическому проникновению, неизбежно сойдут с политической арены; другие, напротив, утвердятся на ней. Катализатором этих процессов явились выборы в Федеральное собрание 1995 и 1999 гг. на много-

партийной основе. Российские партии активизировали свою деятельность по аккумуляции и последующему отражению интересов различных социальных групп. В частности, это выразилось в более четкой ориентации партий на свою социальную базу и соответствующей конкретизации программных положений

Осуществление российскими партиями интегративной функции наталкивается на отсутствие общего пространства гражданского согласия, и появление его маловероятно ввиду неосознания социальными группами своих интересов и слабой структурированности общества. В условиях перехода от статусно-иерархического типа социальной дифференциации к имущественному, социальный интерес если и осознается, то на самом низовом, корпоративном уровне. Поэтому главным партообразующим фактором станет определенное совпадение корпоративных интересов малых кланов, а также консолидирующие ценности как частносоциального, так и внесоциального характера, которые в той или иной степени разделяет большинство населения. В России таковыми традиционно являлись государственность, коллективизм, осознание исторической, геополитической и социокультурной уникальности.

Таким образом, современным российским политическим партиям и движениям наиболее полно удастся выполнять те функции, в осуществлении которых задействованы в основном внутренние ресурсы организаций. В случае же, когда выполнение какой-либо функции возможно только при наличии развитой обратной связи с обществом и государством, успехи партий минимальны. В нынешних условиях наиболее полно выполняется функция политического рекрутирования, в меньшей степени – инновационная и аккумулирующая и в минимальной – конституирующая и интегративная (социального представительства). Функциональная нагрузка партий в российской политической системе остается крайне невысокой. Ни одна из типичных для зрелой демократии функций не выполняется ими в полной мере. Такая неразвитость российских партий делает их зависимыми, уязвимыми для воздействия со стороны других политических факторов.

¹ Коргунок Ю. Г., Заславский С. Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие [Электрон. ресурс]. М., 1996. Режим доступа: http://www.user.cityline.ru/~partinf/ros_mn.htm.

² См.: Абрамов В. Н. Многопартийность в постсоветской России: тенденции, проблемы, общественные потребности. М., 1997. С. 13.

³ См.: Коргунок Ю. Г., Заславский С. Е. Российская многопартийность...

⁴ См. например: Ваган И. С. Интересы электората и партийные программы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Политические науки. 1995. № 6. С. 47.